

УДК 327.56(479.25=479.24)

ББК 66.4(о)

Д – 40

Джаббаров Фархад Рафиг оглу, доктор философии по истории Национального музея истории Азербайджана, Азербайджанская Республика, г. Баку, e-mail: farhadcabbarov@mail.ru

**АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ В БАКУ: ПОСЛЕДСТВИЯ И
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ (1905-1907 гг.)
(рецензирована)**

Армяно-азербайджанская резня 1905 г. породила, наряду с другими, и ряд гуманитарных проблем, среди которых чрезвычайную остроту приобрела проблема пострадавших от конфликта – семей погибших, раненых, лиц, полностью или частично потерявших имущество. В исторической литературе данный вопрос не получил достаточного освещения, поэтому в настоящей статье будет предпринята попытка восполнить этот пробел. В статье повествуется о деятельности Комитета по сбору и распределению пожертвований между пострадавшими 6-9 февраля, функционировавшего с 1905 по 1907 гг.

Ключевые слова: *армяно-азербайджанская резня, события 6-9 февраля 1905 г., Комитет помощи, пострадавшие, сбор средств.*

Dzhabbarov Farkhad Rafique oglu, Doctor of Philosophy on the History of the National Museum of the History of Azerbaijan, the Republic of Azerbaijan, Baku, e-mail: farhadcabbarov@mail.ru

**ARMENIAN-AZERBAIJANI CONFLICT IN BAKU: CONSEQUENCES AND ORGANIZATION
OF ASSISTANCE TO AGGRIEVED (1905-1907)
(Reviewed)**

The Armenian-Azerbaijani massacre in 1905 created a number of humanitarian problems, among which the problem of victims of the conflict - the families of the deceased, wounded, and those who lost their property completely or partially - became extremely acute. In the historical literature this issue has not received sufficient coverage, so in this article an attempt will be made to fill this gap. The article tells about the activities of the Committee on collection and distribution of donations between the victims on February 6-9, which functioned from 1905 to 1907.

Key words: *Armenian-Azerbaijani massacre, events on February, 6-9, 1905, Committee of assistance, victims, fund-raising.*

Армяно-азербайджанская резня в Баку, произошедшая 6-9 февраля 1905 г., стала первым в истории крупномасштабным кровавым столкновением двух народов. Длительное напряжение во взаимоотношениях выплеснуло наружу чувства враждебности и злобы обеих наций друг к другу. Общество было шокировано случившимся, охвачено страхом, безысходностью, неуверенностью в завтрашнем дне. Привычный ритм жизни одного из крупных индустриальных центров Российской империи был нарушен, что наиболее отчетливо охарактеризовал в своем докладе бакинский губернатор М. А. Накашидзе: «Во время печальных событий в Баку 6-9 февраля городская жизнь замерла: все магазины, лавки, клуб, учебные заведения были закрыты. Движение конки и фаэтонов прекратилось. Все, кого не вынуждала крайняя необходимость, сидели дома, и это было самое благоразумное, что они могли сделать, потому что на улицах никто не был гарантирован от шальной пули и других случайностей. Всеми чувствовалось, за неимением в городе сносной полиции и войска в достаточном количестве, беспомощное состояние... В публике распространился панический страх. Благодаря этому встревожились все казенные и частные учреждения, банки, конторы, торговые дома, должностные и частные лица...» [12, л.118 об.-119].

Межнациональная резня вызвала и ряд гуманитарных проблем, среди которых чрезвычайную остроту приобрела проблема пострадавших от конфликта – семей погибших, раненых, лиц, полностью или частично потерявших имущество. Следует отметить, что численность пострадавших во время февральских событий как тогда, так и сейчас точно не установлена. Как правило, исследователи ссылаются в этом вопросе на отчёт сенатора А. М. Кузминского, как один из наиболее объективных источников по истории резни 1905 г. А.М. Кузминский, опираясь на именной список, сообщённый ему бакинским полицмейстером, и данные следственных дел, говорит о 232 убитых (192 армянина, 36 азербайджанцев и 4 русских) и 185 раненых (66 армян, 83 азербайджанца, 36 представителей других национальностей). Кроме того, сенатор сообщает о 37 убитых (32 армянина и 5 азербайджанцев) и 35 раненых (29 армян, 4 азербайджанцев, 2 представителей других национальностей) в промысловом районе Баку. По данным отчёта сенатора, с 6 по 9 февраля в городе разграблено 138 торговых заведений, лавок, мастерских и частных квартир (из них 97 армянских и 30 азербайджанских), в промысловом районе же – 38 разных заведений и строений (37 армянских и 1 еврейское) [7, с. 7-9].

Однако это не единственные данные. Намного раньше сенатора А.М. Кузминского, сведения о жертвах резни озвучил в вышеупомянутом докладе губернатор М.А. Накашидзе. По имеющимся у него данным, убито было 231, ранено 179 человек, из которых армян, соответственно, 153 и 67 человек [12, л. 118 об.]. Особое выделение губернатором количества жертв со стороны армян объясняется тем, что число убитых и раненых азербайджанцев было неточным: «Точных сведений о числе убитых и раненых во время бакинских кровавых событий пока не имеется... Несомненно, что число жертв было больше, и скрытая часть жертв упадёт на мусульман, которые немедленно подбирали своих раненых и убитых и тщательно, по обыкновению, скрывали, опасаясь обвинений и вскрытия трупов» [12, л. 118 об.]. Эту же деталь позднее подметил в своем отчёте сенатор А.М. Кузминский: «Сведения эти [об убитых и раненых - Ф.Д.] во всяком случае не вполне верны, так как многие убитые и раненые, особенно из мусульман, были унесены и скрыты родственниками их, без заявления о том полиции» [7, с. 7].

М.А. Накашидзе указал, что в ходе столкновений было разгромлено 99 домов, духанов, магазинов и пр., а в промысловом районе – убито и ранено около 11 человек [12, л. 118 об.].

Если цифры, указанные в отчёте сенатора А.М. Кузминского и в докладе губернатора М.А. Накашидзе относительно близки, то в другом официальном документе они сильно разнятся. Так, в мае 1905 г. Статистическое бюро Бакинской городской управы огласило данные о количестве пострадавших 6-9 февраля: 372 убитых, из которых 218 армян, 126 азербайджанцев, 22 русских, 3 грузин, 3 представителей прочих национальностей. Интересно, что в отличие от отчёта А.М. Кузминского и доклада М.А. Накашидзе, в сведениях Статистического бюро указаны возрастные данные убитых:

до 4-летнего возраста – 3	30-39 лет – 77
5-9 лет – 3	40-49 лет – 28
10-14 лет – 6	50-59 лет – 16
15-19 лет – 35	60-69 лет – 7
20-29 лет – 98	70 и старше – 3

Возраст остальных 95 убитых не был определён [21, лл. 104-112]

Установить достоверность сведений какого-либо из этих трёх источников в настоящее время трудно. Видимо, противоречивые, отличающиеся друг от друга сведения о жертвах резни порождали и чрезмерное их преувеличение, особенно в ряде оппозиционных газет. Так, большевистская газета «Вперед» писала о 750 убитых и 830 раненых [6].

Так или иначе, армяно-азербайджанская резня, продолжавшаяся четыре дня, унесла жизни, нанесла урон здоровью сотен людей, лишила их жилья и имущества. И по мере ослабления напряжённости в обществе всё острее вставал вопрос об оказании незамедлительной помощи

пострадавшим. Одним из первых отозвался азербайджанский миллионер-благотворитель Гаджи Зейналабдин Тагиев. Уже 13 февраля 1905 г. Г.З. Тагиев отправил письмо городскому голове К.А. Ирецкому и сообщил о выделении 1000 рублей в пользу пострадавших без различия веры и национальности [10, л. 16.]. Позже Г.З. Тагиев, кроме пожертвованных 1000 рублей, выделил ещё 4000 руб. в пользу пострадавших [15, с.4].

Однако, наряду с частной инициативой, требовалось, конечно, активное участие – как организационное, так и материальное, административных органов. 13 февраля под председательством М.А. Накашидзе состоялось заседание Особого комитета по обсуждению текущих событий и сбору пожертвований. На заседании было принято постановление о передаче Бакинскому городскому общественному управлению полномочий по сбору и распределению пожертвований для нужд пострадавших. Общественному управлению рекомендовалось совместно с Советом Съезда бакинских нефтепромышленников (ССБН) организовать для указанных целей комитет (13, с.4). Первоначально предполагалось организовать комитет под председательством губернатора, но впоследствии было определено, что для большей доступности населения дело это должно быть сосредоточено в руках общественного управления и съезда, «как органов коллегиальных, избирательных, стоящих к народу несравненно ближе, чем иное административное учреждение» [11, л. 3].

Исходя из постановления от 13 февраля, на частном совещании гласных Бакинской думы, состоявшемся 17 февраля, были приняты следующие решения по организации комитета: 1) комитет действует под председательством городского головы и все его действия, приём прошений, хранение сумм, вся отчётность по делу комитета сосредотачивается в городской управе; 2) в состав комитета входят представители враждующих народов и иных этнических общин города [10, л. 3]. На этом же совещании был определён первичный размер пособия от Бакинского общественного управления в пользу пострадавших – 50 тысяч рублей [14, с. 3].

Уже 19 февраля состоялось первое заседание Комитета по сбору и распределению пожертвований между пострадавшими 6-9 февраля при Бакинском общественном управлении. Впоследствии в источниках и прессе комитет сокращенно именовался Комитетом помощи пострадавшим 6-9 февраля. Состав комитета был сформирован на основе принципа паритета между конфликтовавшими сторонами (7 азербайджанцев и 7 армян) при участии 3 представителей других национальностей: русских Константина Ирецкого, Михаила Белявского и австрийца Арнольда Фейгля. От азербайджанской общины в Комитет вошли: Асадулла Ахмедов, Ахмед бек Агаев, Алимардан бек Топчибашев, Исрафил Гаджиев, Иса бек Гаджинский, Исмаил бек Сафаралиев, Наджафкули Садыхов, от армянской – Самсон Арутюнов, Александр Айвазов, Иван Гарсоев, Аствацатур Вачьянц, Гайк Кянджунцев, Христофор Саркисов, Аршак Паронян. Председателем комитета стал городской голова К.А. Ирецкий (в связи со служебными выездами К.А. Ирецкого из Баку его временно заменяли М.А. Белявский и Г.С. Кянджунцев). На первом заседании председатель К.А. Ирецкий сообщил, что из 78 прошений об оказании помощи удовлетворены лишь 16, т.к. эти лица были в крайней нужде и откладывать помощь, тем более не превышающую 10 рублей, было нельзя. После прений о распределении пожертвований и удовлетворении потребностей каждого пострадавшего комитет признал необходимым: 1) окончательное решение о размере помощи каждому заявившему лицу отложить до выяснения всего числа пострадавших и выяснения степени их нужды; 2) приём прошений сосредоточить исключительно при городской управе; 3) для принятия этих прошений в помощь городскому голове установить ежедневное дежурство двух членов комитета, которым поручить о всех просителях собирать всевозможные сведения; 4) для помощи пострадавшим, не терпящим отлагательств, ассигновать в распоряжение городского головы и дежурных членов комитета 1 тыс. рублей для выдачи мелкими суммами, главным образом, на пропитание; 5) сбор пожертвований установить: при городской управе, в конторе ССБН и при

редакциях газет «Каспий» и «Бакинские известия»; 6) признать за основной принцип действий комитета, что распределение помощи между пострадавшими производится самим комитетом без различия национальности и вероисповедания [11, лл. 3 об.-4].

Весть о создании комитета для оказания помощи привела к небывалому потоку прошений, что вызвало необходимость проводить заседания комитета почти ежедневно. На заседаниях 25, 27 и 28 февраля было решено удовлетворить лишь просьбы о помощи лицам, не имеющим вовсе средств к существованию. Как констатировал сам комитет, помощь оказывалась в незначительном размере, однако при неотложных случаях выдавались и суммы по 100 рублей. Комитет тщательно проверял все прошения, и после принятия решения пострадавшим оказывалась необходимая помощь.

Были случаи, когда просящие давали неверные сведения об ущербе, по одному случаю подавались заявления от нескольких представителей из одной и той же семьи. Все эти данные приходилось уточнять, перепроверять, что с одной стороны требовало от членов Комитета дополнительной затраты времени, а с другой, замедляло общий темп и эффективность работы.

Масштаб работы членов комитета можно представить по следующим цифрам. До 5 марта было подано 1093 прошения, из которых членами комитета проверено около 200 заявлений [16, с. 3]. Иначе говоря, за 20 дней деятельности в среднем, ежедневно комитет получал 55 прошений и успевал проверить 10 из них. Естественно, такой объём невозможно было осилить 17 членам комитета. Поэтому были приняты решения по оптимизации работы: состав был дополнен ещё 16 членами [11, л. 16], созданы два бюро для распределения прошений по группам по степени неотложности и для дачи заключения об их проверке. В бюро вошли Г. Кянджунцев, А. Топчибашев, А. Ахмедов, А. Вачьянц [11, л. 3]. Позже, в марте при комитете было создано второе бюро для выработки системы окончательного удовлетворения пострадавших (11, л. 20 об.). По подсчёту второго бюро (в него входили: А. Агаев, И. Садыхов, С. Арутюнов, Г. Хандамиров и А. Фейгль), для окончательного удовлетворения просьб всех пострадавших необходимо было собрать 1,6 млн. рублей [17, с. 3]. В распоряжении комитета имелось всего 175 тыс. руб., из коих 100 тыс. пожертвовал ССБН, 50 тыс. – городское общественное управление, 25 тыс. – пожертвования различных лиц и учреждений, причем, как будет указано далее, большая часть этих сумм ещё не была выделена.

Следует подчеркнуть, что финансовые ресурсы комитета всегда создавали трудности для осуществления его деятельности. Он не располагал той огромной суммой, необходимой для выплаты компенсации пострадавшим. Впоследствии это станет одной из главных причин малоэффективной деятельности и критики комитета со стороны общественности. На заседании от 24 марта был обсуждён вопрос об организации сбора пожертвований. Члены комитета высказали различные предложения: избрать многолюдную комиссию, поручить ей сбор пожертвований по всему городу; поручить комиссии из 3-4 лиц ходить по фирмам и конторам и просить пожертвований; устроить лотерею на дому и таким способом приобрести крупную сумму для оказания помощи пострадавшим; обратиться к правительственной помощи через городскую думу. Относительно третьего и четвёртого предложения комитет высказался отрицательно, выразив сомнение в исполнимости предложения о запросе помощи от государства, относительно же предложения об устройстве лотерей на дому нашли, что оно не допускается правительством, хотя эти лотереи могли иметь успех. Более целесообразным признано было предложение поручить комиссии из 3-4 лиц ходить по фирмам и конторам и просить пожертвований. В связи с этим постановили избрать в депутацию И. Сафаралиева, А. Фейгля, Х. Антонова, Г. Расулова, А. Пароняна [11, лл. 26-27].

Знакомство с материалами деятельности комитета указывает на то, что пострадавшие возлагали большие надежды на помощь с его стороны, однако комитет не мог оправдать эти надежды в силу объективных причин. Так, на одном из заседаний было констатировано, что все пострадавшие имущественно на сумму 10-20 тыс. рублей ожидают полного возмещения этих убытков, поэтому многие из них до сих пор не приступают к ремонту домов, магазинов и пр.

Комитет разъяснил, что при имеющихся у него средствах лицам этим может быть выдано не более 100-150 руб. [18, с. 3].

Хронической проблемой стала неявка на заседания многих его членов. Пришлось принять решение: т.к. члены комитета неаккуратно являются на заседания, считать заседания действительными при 1/3 состава [18, с. 3].

В конце апреля Комитет помощи огласил результаты своей деятельности за 2 месяца. Прошений всего было подано – 1150, из них по списку убитых – 333, раненых – 276, остальные – имущественно пострадавшие, причём 64 просителям последней категории отказано вовсе в помощи. Выдано вознаграждений пострадавшим имущественно по 212 прошениям 13485 руб. 65 коп. и подлежит ещё к выдаче по 23 прошениям – 1118 руб. По 74 прошениям раненых выдано 5219 руб. и по 2 прошениям постановлено выдать 320 руб., а всего – 5399 руб. [19, с. 3-4]. В этом своеобразном отчёте комитета внимание привлекает цифра – 333 убитых. Напомню, что в мае 1905 г. Статистическое бюро управы сообщило о 372 убитых во время резни. Учитывая, что Комитет помощи действовал при Бакинской городской думе, то можно достоверно утверждать, что Статистическое бюро опиралось именно на данные комитета. Возможно, что с апреля (когда комитет озвучил цифру 333) по май было уточнено количество жертв, и в мае Статистическое бюро объявило о 372 пострадавших. Остаётся лишь непонятным, почему сенатор А. М. Кузминский, отчёт которого был опубликован в 1906 г., озвучил цифру намного меньшую – 232 убитых и почему он при этом ссылаясь на отчёт бакинского полицмейстера, если Комитет помощи и городская управа располагали другими данными? Возможно, что число жертв сознательно приуменьшалось, чтобы не вызывать и без того острое напряжение и раздражение в обществе.

В начале мая 1905 г. из-за болезни К.А. Ирецкого городским головой Баку был избран заведующий хозяйственным отделением управы Кямиль бек Сафаралиев, который в силу своей должности возглавил и Комитет помощи. Время его руководства совпало с серьёзными трудностями в деятельности комитета. В конце мая средства окончательно иссякли, и комитет известил через прессу, что впредь до изыскания средств и поступления пожертвований он выдаёт вознаграждения лишь в половинном размере [21, с.4]. Эта мера вызвала недовольство пострадавших, обратившихся к бакинскому генерал-губернатору с жалобой на медлительность комитета в выдаче помощи. К. Сафаралиев в ответном письме на имя генерал-губернатора признавал эти обвинения правильными, но объяснял, что всему виной не комитет, а губернская администрация, не выдавшая до сих пор разрешения использовать те 50 тыс. рублей, которые выделило в феврале 1905 г. городское общественное управление [1, с. 3].

На самом же деле всё заключалось в привычной чиновничьей бюрократии: выяснилось, что до августа 1905 г. городская управа не представила губернской администрации сметы города Баку на текущий год. Поэтому решение о выделении 50 тыс. руб. так и оставалось на бумаге [10, л. 1-1 об.]. Архивные документы свидетельствуют, что данный вопрос не был решён и в следующем, 1906, году. Как явствует из переписки генерал-губернатора С.А. Фадеева за август 1906 г., Бакинское губернское по городским делам присутствие так и не утвердило постановление думы от 17 февраля 1905 г. [8, л. 12]. Задержка со стороны городской администрации с выплатой этой суммы негативно отражалась и на общественном мнении. Член городской управы Б. Македонский в письме С. Фадееву отмечал, что частные благотворители и Съезд нефтепромышленников воздерживаются от пожертвований впредь до выяснения вопроса о 50 тыс. рублях, толпы пострадавших обивают пороги управы, обвиняя её в медлительности. Б. Македонский выразил обеспокоенность, что бюрократическая инертность, проявляемая в ассигновании 50 тыс. рублей, и как следствие, ограниченность Комитета помощи в средствах может негативно сказаться на ситуации и вызвать новую напряжённость в городе. В частности, он писал: «...приостановка выдачи пособий вызывает вполне понятное раздражение среди пострадавших, подрывает доверие к комитету и создаёт почву для разного рода обвинений членов комитета в пристрастии и недобросовестности, что в настоящее время крайне опасно. Может

легко случиться, что комитет вместо оказания помощи и некоторого умиротворения, благодаря задержке в разрешении на пособие от города, окажется косвенной причиной всё усиливающихся слухов о каких-то злоупотреблениях и разрастающегося на почве этих слухов взаимного недоверия между национальностями» [8, л. 7-7 об.].

Деятельность Комитета помощи постепенно превратилась в пустую формальность. Его заседания стали проходить нерегулярно, число посещавших заседания сократилось до критического минимума. Так, 4 марта 1906 г. на заседание пришло всего 6 человек [2, с. 3]. В виду малочисленности участников рассмотрение вопросов не состоялось. Подобная ситуация вызывала негативную реакцию в обществе. Примером служит письмо в редакцию газеты «Баку» с громким и риторическим названием «Существует ли Комитет по оказанию помощи пострадавшим?» Автор письма утверждал, что многие члены комитета ни разу не заходили туда, замечалось безразличное и негуманное отношение к пострадавшим – их водили по несколько недель, выдавали по мелочам. Член бюро комитета А. Вачьянц отвечал просящим: «Что вы мне жалованье что-ли платите, что так пристаёте?». Председатель К. Сафаралиев же всем обращающимся отвечал: «Денег нет» [3, с. 3].

В целом, следует признать, что, несмотря на упрёки и обвинения, Комитет помощи в действительности был ограничен в своей деятельности, и главное стеснение состояло в недостаточности финансовых средств для оказания помощи. Несмотря на активность общественности в выделении пожертвований на первом этапе деятельности комитета, эта активность потом пошла на спад и многие жертвователи не перечислили обещанные суммы. Самым главным «неплательщиком» оказалась городская управа – она так и не внесла обещанные 50 тыс. руб. Наиболее крупным жертвователем был ССБН, обещавший 100 тыс. руб., но выделивший всего 80 тыс. руб. ССБН заявил, что 20 тысяч будут внесены лишь во внесении городской управой своей доли в 50 тыс. руб. В противном случае совет распределит сам между пострадавшими означенный остаток [9, л. 9]. Г.З. Тагиев из пожертвованных 5 тыс. руб. уплатил только 1 тысячу. Не перечислили в фонд комитета обещанные суммы: Г.Ш. Дадашев, Г.Б. Ашумов, фирмы «Олеум», Бакинское общество русской нефти, «С.М. Шибаетов и Ко» (все по 1 тыс. руб.), Санкт-Петербургский Международный банк (500 руб.). Недоимки комитета исчислялись в 75 тыс. руб. Ситуацию с оказанием помощи жертвам резни частично исправил то, что ССБН решил обещанные им 20 тыс. руб. распределить между пострадавшими на промыслах во время августовских столкновений 1905 г. Следовательно, некоторые пострадавшие таким образом были удовлетворены [2, с.3; 4, с.3]. Извещая об этом К. Сафаралиева, председатель ССБН А. Фейгель в то же время обещал, что «по удовлетворению претензий пострадавших на промыслах весь остаток, если таковой окажется, будет передан в распоряжение комитета для распределения его между пострадавшими в городе» [9, л. 13 об.].

После относительного спада напряжения в армяно-азербайджанских отношениях и прекращения массовой резни деятельность Комитета помощи вовсе сошла на нет. Всё делопроизводство комитета по раздаче пособий перешло к ССБН [5, с.3].

Таким образом, одним из последствий армяно-азербайджанского межнационального конфликта в 1905 г. стала серьёзная гуманитарная проблема, вызванная большим числом убитых, раненых, лишённых крова и имущества. Оказание помощи пострадавшим в результате кровавых столкновений являлось делом чрезвычайной важности, решение которого взяли на себя частные благотворители и общественные организации. Наибольший вклад в этом направлении внёс Комитет по сбору и распределению пожертвований между пострадавшими 6-9 февраля при Бакинском общественном управлении. И хотя деятельность комитета была сопряжена со многими трудностями, в первую очередь, финансового характера, она всё же доказала, что представители враждующих сторон, несмотря на наличие напряжения в отношениях и на хрупкий мир, всё же смогли преодолеть барьер недоверия и совместно трудиться во имя оказания материальной помощи пострадавшим.

Литература:

1. Всеподданнейший отчет о произведённой в 1905 году, по Высочайшему повелению, сенатором А. Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. Санкт-Петербург, 1906. 686 с.
2. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР): ф. 50, оп. 1, д. 260.
3. ГИА АР: ф. 389, оп. 1, д. 95.
4. ГИА АР: ф. 389, оп. 7, д. 827.
5. ГИА АР: ф. 389, оп. 7, д. 863.
6. ГИА АР: ф. 484, оп. 3, д. 4.
7. Российский государственный исторический архив: ф. 857, оп. 1, д. 1480.

Literature:

1. The most believable account of the revision of the Baku city and the Baku province conducted by Senator A. Kuzminsky in 1905, according to the Highest Command. St. Petersburg, 1906. 686 p.
2. State Historical Archive of the Republic of Azerbaijan (SHA AR): f. 50, op. 1, d. 260.
3. SHA AR: f. 389, op. 1, d. 95.
4. SHA AR: f. 389, op. 7, 827.
5. SHA AR: f. 389, op. 7, 863.
6. SHA AR: f. 484, op. 3, 4.
7. The Russian State Historical Archive: f. 857, op. 1, d. 1480.